

Гао Куо, дрожа, поднялся на ноги, всё ещё не смея поднять головы. Ноги его подкашивались, он украдкой косился в сторону — госпожи уже и след простыл.

— Ха-ха-ха, Хэй Хай, ты отличился. Чем бы тебя наградить?

Гао Куо сглотнул, выдавил улыбку:

— Награды не надо, лишь бы вы были довольны.

Услышав это, первый главарь фыркнул, и в его рыке слышались опасные нотки.

— Где раздобыл такую диковинку?

— На... на берегу. Девочка-беженка. — Он не стал распространяться — чем подробнее, тем больше похоже на ложь.

Помолчав, первый главарь спросил:

— А вчера где шлялся?

— Осматривал окрестности. Заметил подозрительные перемещения на горе Дуйтоу.

— О? Что за перемещения?

Облизнув пересохшие губы, он ответил:

— Старик, что поля стережёт, на гору Дуйтоу ходил. Похоже...

Он не договорил, но семя сомнения уже брошено.

— Хм. Хэй Хай, ты... молодец. Награжу тебя десятью ляннами серебра. И ещё... слышал, ты к Девчонке Цзю неравнодушен. Забирай.

Услышав это, Гао Куо просиял, поспешно повалился в ноги, благодаря первого главаря.

Тот махнул рукой — отставка.

Выйдя из здания, Гао Куо ощутил прилив сил. Не ожидал, что за эту авантюру получит и серебро, и красавицу. Хотя внутри всё же похолодело.

Покачав головой, он направился в Сад красавиц, к Девчонке Цзю, — хоть немного отдохнуть после двух суток мытарств. Но не успел сделать и пары шагов, как навстречу, торопясь, шёл один из братьев. Гао Куо сообразил, сделал вид, будто не замечает его спешки, радушно поздоровался и даже попытался завести беседу.

Тот на миг опешил, затем вежливо отклонил любезность, пояснив:

— Братец, потом поболтаем. С горы Дуйтоу провокация, надо срочно первому главарю доложить.

С этими словами он обошёл Гао Куо и скрылся в здании.

Гао Куо почесал затылок, не придав значения, и зашагал к Саду красавиц, насвистывая. Разумеется, он прекрасно понимал, что творится снаружи.

Вскоре в крепости поднялось оживление.

Третий главарь, Крюкорогий Леопард, отобрал несколько дюжих братьев, вооружился и верхом на лошадях помчался вниз с горы. Неслись они с ветерком, да ещё и с хохотом.

И было чему смеяться: кучка тощих оборванцев с мотыгами да палками, орущих, что отрубят голову первому главарю, «бежала» с горы Дуйтоу.

Прямо-таки скука смертная, вот и ищут, как бы смерть свою найти!

Крюкорогий Леопард выкатил глаза, оскалился, размахивая двумя мечами, в исступлении рубил ветки и листву и хохотал как безумный.

Один листок, избежавший гибели, подхваченный ветром, понёсся над равниной, вдруг потерял силу и упал в грудь себе подобных.

Исхудавшие коренные жители, сжимая свои «оружия», уставились на падающий лист. Кадыки их дрогнули, пот каплями скатывался на землю.

Вдруг уши их уловили звук, а в зрачках замелькала взметнувшаяся пыль.

Вожак глубоко вдохнул и, когда окутанные пеленой песка чудовища наконец предстали перед глазами, дрожая поднял мотыгу и прокричал:

— В атаку-у-у!

Едва отзвучал клич, все разом развернулись и бросились наутек...

Лишь вожаку не хватило времени. Когда клыки Крюкорогого Леопарда заполнили его взор, в мгновение ока он лишился головы.

В тот же миг Крюкорогий Леопард угодил в ярко освещённую ловушку, и конь его с ржанием рухнул на дно ямы.

Однако сам он уже взвился в воздух, распластал мечи и с презрительным хохотом обрушился на землю...

Раздался хруст — он проломил присыпанный землёй тонкий настил, а под ним торчали заострённые колья.

Чтобы не дать ему сбежать, притворившиеся беглецами коренные жители уже вернулись и принялись швырять в яму железные грабли.

Два удара — мечи отбили грабли, но их хозяин превратился в ежа. Только перед смертью Крюкорогий Леопард, хохоча, швырнул мечи — один пролетел мимо, другой сразил ближайшего к яме коренного жителя.

Когда он уже испустил дух, его неспеша следовавшие братья наконец успели.

Но не успели они опомниться, как из окрестных зарослей поднялись разбойники с горы Дуйтоу и окружили их...

Тем временем Гу Цици, брошенная в деревянной хижине, открыла глаза.

Голова её гудела, тело было слабым — её опоили снадобьем. Это вызвало у Гу Цици презрение к главарю разбойников: до того труслив, что даже ребёнка травит расслабляющим зельем...

К счастью, она подготовилась, заранее наказав Гао Куо воспользоваться суматохой и принести противоядие.

Шансы были примерно семь к трём...

Гу Цици мысленно пробормотала это, закрыла глаза и сосредоточилась на дыхании.

Вскоре снаружи поднялся шум, и она уловила слова «третий главарь» и «мёртв». Уголки её губ дрогнули.

Чуть погодя шум стих, а голова Гу Цици закружилась ещё сильнее. Сознание начало мутиться, в тумане ей привиделось, будто она вернулась в Рыбацкую деревню и встретила того, кто, как и она, обречён скитаться во тьме.

— Бай... Цин... — беззвучно шевельнулись её губы, сами собой выговаривая то имя.

— Бам!

Внезапно дверь с грохотом распахнулась, и внутрь ворвался поток горячего воздуха.

Гу Цици приоткрыла глаза, повернулась на звук — и увидела, как к ней шагает прямоходящий «злой тигр». Шаги его были тяжки, словно он вот-вот проломит пол.

Улыбнуться у неё не было сил, но в душе она смеялась. Если главарь разбойников так разъярён, значит, план её наполовину удался.

Вскоре тень тигра накрыла её, а взгляд его был словно взгляд на мертвеца.

Гу Цици опередила его:

— Давай... заключим пари.

Не успели слова отзвучать, как грубая лапа вцепилась ей в горло, не оставляя ни малейшей поправки.

Она ухватилась за эту руку, но, даже не имея сил, уставилась на оскалившегося злого тигра. Глаза её налились кровью, личико побагровело. И прежде чем способность говорить окончательно покинула её, она с трудом выдавила:

— Ди... Хэ...

Мгновенно хватка на её горле ослабла.

— Говори.

Всего одно слово, но смысл ясен.

Дёрнув уголком губ, Гу Цици проговорила:

— Ты... слабее Ди Хэ.

И тут же шея её чуть не переломилась. На лбу выступил пот, слёзы потекли из глаз, из ноздрей брызнула кровь. Но она и бровью не повела, взгляд её пылал безумием, а губы неудержимо ползли вверх.

Столь жуткое зрелище заставило злого тигра не задушить её сразу, а вновь ослабить хватку.

Гу Цици судорожно вдохнула, закашлялась и, пользуясь моментом, добавила:

— Я... могу убить Ди Хэ.

Услышав это, злой тигр фыркнул, и дыхание его пахло густой вонью.

Хоть её и тошнило, хоть желудок и сводило, Гу Цици сохраняла невозмутимость, подавив рвотные позывы.

— Ди Хэ нас презирает — в этом его слабость.

Лапа тигра снова сжала горло.

— Вы... всегда проигрываете... из-за тактики.

Хватка усилилась.

— Мамэн... подземный дворец...

Услышав это, злой тигр расхохотался и разжал пальцы.

Вырвавшись, Гу Цици забилась в кашле, взгляд её потемнел.

— То-то же. Девочка, ты меня недооценила. Хэй Хай служит мне много лет. Ты думала, я, вознёсшись над прочими, и на мелких слуг внимания не обращаю? — злой тигр усмехнулся, схватил её за одежду — та тут же затрещала по швам.

Гу Цици молчала, бесстрастно глядя на него. Сопrotивляться она не могла, но верила в свою удачу.

И Небо действительно благоволило ей.

В тот миг, когда злой тигр уже готов был надругаться над дерзким ребёнком, в дверях возник Чэнь Вэнь и произнёс всего одну фразу:

— Ди Хэ выстроил войска у подножия горы.

Тотчас злой тигр взревел и, хлопнув дверью, умчался прочь. Чэнь Вэнь бросил взгляд на избежавшую участи Гу Цици, но не задержался.

Не прошло и нескольких вдохов, как в хижине вновь воцарилась тишина.

Гу Цици тайно вздохнула с облегчением. Руки и ноги её леденели. Зато шансы на успех возросли до восьми из десяти.

Это принесло ей некоторое утешение, и на лице вновь появилась улыбка.

Вскоре осторожно высунулся Гао Куо. На лице его читалось нечто похожее на раскаяние —

настоящее или притворное.

<http://bllate.org/book/16264/1464033>